

ВАСИЛИСА
МЕЛЬНИЦКАЯ

ЧУДЕСНЫЕ РЕЦЕПТЫ

КРЕСТЬЯНКИ-САМОЗВАНКИ

Василиса Мельницкая

Чудесные рецепты

крестьянки-самозванки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73372238

SelfPub; 2026

Аннотация

Потерять невинность до свадьбы не так страшно, как родить ребенка без мужа. Оставшись без поддержки семьи, Ульяна едет в столицу на заработки и, благодаря чужим документам, устраивается экономкой к мрачному ведуну, бывшему военному, а ныне инвалиду-колясочнику.

Владияр утратил вкус к жизни, интерес к работе, а семейное счастье братьев вызывает у него лишь раздражение и зависть. Он замыкается в себе и выбирает уединение. Никто не в силах терпеть его сильно испортившийся характер, кроме верного адъютанта, добровольно взявшего на себя обязанности личного слуги.

Но однажды в доме появляется женщина, способная исполнить любой каприз хозяина. А еще она утверждает, что чудесные рецепты из тетради, доставшейся ей в наследство от матушки, могут и мертвого поднять на ноги.

ВНИМАНИЕ! ЕСТЬ УПОМИНАНИЯ СПИРТНЫХ
НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Василиса Мельницкая

Чудесные рецепты

крестьянки-самозванки

Глава 1

Матушка умерла неожиданно. Я не видела ее около трех лет, а горничная Маняша, регулярно навещающая нас с Митей, на вопрос о здоровье графини неизменно заверяла меня, что оно в полном порядке, и дела идут хорошо.

Мне лгали. Подозреваю, то был приказ матушки. Она считала, что у меня хватает забот и без тревожлений о ее здоровье.

Известие о смерти матушки принесла все та же Маняша. Иной связи со Свиридовыми у меня не было.

С тех пор, как отец отрекся от дочери, опозорившей семью, только матушка поддерживала со мной отношения, и то через Маняшу. С ней она передавала короткие письма, подарки для Мити, немного денег для меня и пожертвования скиту, где мы с сыном нашли приют.

Благодаря этим пожертвованиям меня терпели, не привлекая к обязанностям жрицы. Жили мы в маленьком, в одну комнату, но отдельном домике. Я помогала на кухне, и ели

мы с общего стола, а зимой нам выделяли дрова для печки.

Маняша приезжала в скит богини Лели каждый месяц. Ее поездки ни у кого не вызывали подозрения, она неизменно совершала их в течение тех пятнадцати лет, что служила у матушки. Маняша и предложила поселить меня с сыном в скиту. Он располагался достаточно далеко от поместья отца, и риск, что здесь появится кто-то из знакомых семьи Свиридовых, был невелик.

Неладное я заподозрила, когда Маняша не появилась в обычное время. Никаких писем на мое имя не приходило, и я предположила, что она могла заболеть, и приедет позже. Однако, когда я увидела ее в черном платье на крыльце нашего с Митей дома, то как-то сразу поняла, что стало причиной траура.

– Мама? – спросила я, едва шевеля онемевшими губами.

– Ирина Олеговна скончалась, – подтвердила мою догадку Маняша. – Ульяна Алексеевна, примите мои искренние соболезнования.

– Почему? Что случилось? – выдохнула я, с трудом веря в произошедшее.

– Она... болела, – с запинкой призналась Маняша. – Сердце.

– Я успею... попрощаться?

Она отрицательно качнула головой.

– Обряд проведен. Урна с прахом вашей матушки захоронена в семейном кургане.

Мне не позволили попрощаться с мамой. Я поняла, что по-настоящему осиротела.

Маняша осталась, чтобы помочь мне провести обряд поминоения. А потом сказала, что будет приезжать в скит, как обычно, но денег и пожертвований больше не будет. Она и сама хотела сюда перебраться, но отец попросил ее остаться в доме, чтобы помогать с подрастающей внучкой.

Мне и поплакать толком не удалось. Митя чувствовал мое настроение, крутился рядом, а если видел слезы на моем лице, то сам начинал плакать.

Вскоре меня пригласили к матушке Ираиде, настоятельнице скита.

– Сочувствую твоему горю, Ульяна, – сказала она. – Как ты собираешься жить дальше?

– Остаться здесь вы не позволите? – спросила я.

– Отчего же, оставайся. Станешь жрицей, а Митя – нашим воспитанником. Его переведут в мужской скит, когда ему исполнится пять. Или плати за жилье. Работа на кухне не покрывает ваше с сыном содержание.

Большую часть тех денег, что присылала мне мама, я откладывала. Нельзя всю жизнь прятать Митю в скиту. Ему нужно учиться, и не на жреца, а в нормальной школе, в городе. Но если отдам деньги настоятельнице, то останусь ни с чем. Лучше уехать сейчас, найти нормальную работу. Я умею неплохо готовить, управляться с малышами, могу обучать девочек музыке или хорошим манерам. И ехать надо в

Москву, там у отца нет знакомых, а город большой, авось, найдется работа и для женщины с ребенком.

Однако уехать, не посетив семейный курган, я не смогла. Поместье графа Свиридова располагалось неподалеку от Нижнего Новгорода. Туда я и отправилась вместе с Митей и небольшим чемоданом, уместившем все наши вещи.

В городе я остановилась в недорогой гостинице, расположенной далеко от центра. И сразу же надела шляпку с густой вуалью, хотя можно было не опасаться, что меня узнают. Полная женщина в простом черном платье из дешевой ткани не имела ничего общего с юной элегантной барышней, одной из первых красавиц города.

Ехать в дом отца было нельзя, и я придумала такой план: добраться до ближайшей к поместью деревни, а оттуда, через лес, пешком дойти до кургана. Я хорошо знала окрестности, и Митя легко справится с дорогой. Он был сильным и крепким для своих трех с половиной лет, благодаря жизни в скиту.

Митя спрашивал меня, куда мы едем, а я не могла ничего объяснить, глаза тут же наполнялись слезами. Я просто пообещала ему конфет, если он будет хорошим мальчиком.

До деревни ехали часа два, а дорога через лес заняла всего полчаса. Вознице я велела ждать, намереваясь этим же днем вернуться в город.

Девочкой я облазила все поместье, и теперь семейный курган нашла без труда. Достала из корзинки скромные да-

ры, расставила их там, где положено, положила венок из цветов на табличку с именем мамы. И опустилась на колени, мысленно обращаясь к ранее ушедшим родственникам и высшим силам, чтобы они позаботились о маме. Митя тихонько стоял рядом.

– Так и знал, что ты явишься! Дрянь!

Громкий мужской голос заставил меня вздрогнуть. Митя испуганно бросился в мои объятия. Я обернулась, прижимая к себе сына. Позади стояли два моих брата: старший Андрей и младший Юрий.

– Пошла вон отсюда! – грозно сказал Андрей. – Вон! И как только совести хватило... Да о чем это я! У тебя ее вовсе нет!

– Я попрощаюсь с мамой и уйду, – тихо ответила я.

– Да она умерла из-за тебя! Из-за тебя, дрянь!

Он шагнул ко мне. Митя взвизгнул от страха. И, возможно, поэтому Андрей не ударил. Только схватил меня за плечи, рывком поставил на ноги и прорычал в лицо:

– Хватит того, что мамы нет! Хочешь всех нас погубить?

– Разве я могу? – едва слышно прошептала я. Слезы градом текли по лицу. – Для всех я умерла еще четыре года назад.

– Именно! Скончалась от чахотки в Пскове! И что будет, если тебя здесь кто-нибудь увидит?!

– Не увидит. И не услышит, если ты не будешь так кричать. Позволь мне попрощаться с мамой.

– Нет! – отрезал Андрей. – Убирайся. Немедленно!

– Андрей, ты пугаешь мальчика. – К нам подошел Юрий. – Он-то в чем виноват? Не кричи, я провожу Ульяну.

Неприятно осознавать, что меня ждали для того, чтобы прогнать. Время не смягчило моих братьев. И ведь догадались, что я приеду. И знали, какой путь выберу. И караулили. Не лично, разумеется. Наверняка, кто-то из деревни добежал до поместья и доложил, что приехала женщина с ребенком и отправилась в сторону поместья, оставив коляску.

Митя отказался идти на руки к Юрию. Тот предлагал понести его, но малыш упрямо замотал головой и спрятался за меня.

– Уля, не обижайся, – попросил Юрий, когда мы шли через лес. – Мама сдала, когда отец выгнал тебя из дома, но сердце у нее и раньше болело. При иных обстоятельствах... Я не считаю твой поступок преступлением. Вина лежит на мужчине.

– Только папе не говори, – нервно хмыкнула я. – Он и тебя выгонит.

– Он не прав. Но он должен выдать замуж Лизу и Аню, и если репутация семьи будет испорчена...

– Не стоит, – перебила я брата. – Я все это слышала. Я сделала свой выбор. Отец – свой.

Узнав, что я беременна, отец отослал меня из дома. Он хотел, чтобы я родила и оставила малыша в скитах, а я наотрез отказалась расставаться с сыном. Тогда меня и выгнали

из семьи. Похоронили. Только мама тайком поддерживала меня все эти годы.

— Юра... — Я не хотела просить, но, заметив, что младший брат не пылает гневом, как старший, рискнула. — Я знаю, что ни на что не имею права. Но мне бы какую-нибудь безделицу... на память о маме. Гребешок, лоскуток ее платья... Что угодно... Ты не мог бы... помочь? Мы уезжаем завтра, вечерним поездом.

— Не уверен, что получится, — ответил Юрий.

Однако узнал адрес гостиницы, где мы остановились.

— Это кто? — спросил Митя, когда коляска покатила в сторону города.

— Никто, — вздохнула я. — Забудь, хорошо? Сюда мы больше не вернемся.

Юрий так и не приехал в гостиницу, но успел перехватить нас на вокзале.

— Вот. — Он протянул мне что-то, завернутое в цветную бумагу. — Аня передала. Они с Лизой разбирали мамины вещи и нашли бабушкину тетрадь. Кажется, с рецептами. Сверху был прикреплен листок, а на нем маминой рукой написано, что тетрадь для тебя. И еще...

Он густо покраснел и сунул в мою сумочку деньги.

— Это от меня, — выпалил он. — И...

Кажется, он хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и убежал.

— Поезд отправляется! — разнеслось по перрону.

Я подхватила Митю и чемодан и бросилась к вагону.

Глава 2

Ехали мы в вагоне третьего класса. Я могла бы купить билеты и во второй, но все еще боялась встретить кого-нибудь из старых знакомых. До Москвы всего ночь пути, я могу и посидеть. А Митя поспит у меня на коленях.

Народ в вагон набился разношерстный. Такой билет мог позволить себе и рабочий люд, из тех, кто побогаче. Или, наоборот, бедные дворяне. Так же путешествовали те, кто относил себя к интеллигенции. И слуги, если проезд им оплачивал хозяин.

Напротив нас с Митей расположилась молодая женщина в простом дорожном костюме. Рядом, на лавку, она поставила саквояж. Весь ее внешний вид, включая строгую прическу, говорил о том, что барышня она серьезная. Отсутствие сопровождающего подсказывало, что происхождения она не знатного. И я предположила, что передо мной дочь учителя или инженера. Но, как оказалось, ошиблась.

– Ульяна, – представилась девушка.

– Эм... Ульяна, – произнесла я свое имя.

И, сообразив, что мы тезки, улыбнулась.

Митю я усадила подальше от окна, из щелей дуло, накормила булкой и молоком, купленными в лавке у гостиницы. После нехитрого ужина он задремал, привалившись к моему боку. Шум в вагоне ему ничуть не мешал. Я же понимала,

что мне поспать не удастся, и не из-за того, что лавки в вагоне третьего класса жесткие. Страшно за скромные сбережения. Деньги у спящего запросто могли украсть.

Похоже, Ульяна была того же мнения. Света в вагоне не хватало для чтения или занятия рукоделием, поэтому мы беседовали вполголоса, не позволяя друг другу уснуть. Тогда я и узнала, что Ульяна – сирота, воспитанная в скитах. Жрицей она не стала, потому что из скитов ее забрали в семью купца, наперсницей для хозяйской дочери.

Семья купца жила в Ярославле. Ульяна выучилась вести хозяйство, и когда хозяйская дочка вышла замуж, устроилась экономкой в дом какого-то местного дворянина. Он недавно скончался, по причине старости, а семья его от места Ульяне отказала, но дала очень хорошие рекомендации. В Москву Ульяна ехала за хорошей жизнью. А из Нижнего Новгорода – потому что туда переехала с мужем дочка ее бывших хозяев. Ульяну приглашали на крестины ее первенца.

– Наденька звала остаться, – сказала Ульяна, – да я отказалась. Вечно в приживалках быть не хочу. Она добрая, помогала бы. А случись что... и по миру идти? Нет уж, я сама буду зарабатывать. Если получится, и замуж выйду за хорошего человека.

Я же о себе рассказывала мало. И не все. Но о том, что Митю одна воспитываю, да в Москву на заработки еду, говорила. Ульяна посетовала, что без рекомендаций мне будет сложно, в хорошее место не возьмут. Рассказала, что в

Москве есть агентства по найму обслуживающего персонала, а самым лучшим среди них считается «Крошечка Хаврошечка», но «абы кого с улицы» туда не возьмут.

– И потом... у тебя ребенок, – вздохнула Ульяна. – С кем ты его оставлять будешь? Тебе бы в дом какой, с проживанием, и чтобы хозяева детей любили.

Время близилось к четырем утра, а в вагоне до сих пор было шумно. Мужская компания пьянствовала с тех пор, как поезд отошел от перрона. И теперь они то громко ржали над анекдотами, то затягивали песню. Кроме Мити, в вагоне ехали и другие дети. Кто-то то и дело плакал, разбуженный пьяными воплями. Митя тоже просыпался, но видел, что я рядом, и вновь закрывал глаза.

– Нет, это невыносимо! – сказала Ульяна, когда нестройный хор пьяных голосов затянул «Дубинушку». – Надо найти кондуктора. Почему он бездействует?! Пусть доложит главному. Я схожу. Присмотришь за вещами?

Свой саквояж она переставила на мою лавку и отправилась искать кондуктора. И тут, как назло, проснулся Митя и запросился в туалет. И терпеть отказывался наотрез.

Понадеявшись, что Ульяна не сочтет исчезновение саквояжа за воровство, я взяла его с собой и повела Митю к тамбуру.

Он благополучно сходил в туалет, и я поправляла ему штанишки, когда раздался резкий скрежет, и вагон содрогнулся от сильного удара. Митю я обняла инстинктивно. Уз-

кий тамбур не позволил мне упасть на спину, но я врезалась в стену и больно ударилась.

Мгновение — и тишина взорвалась криками, плачем, звонком разбитого стекла, треском деревянных досок. Я судорожно ощупывала Митю, но он не пострадал, лишь сильно испугался, оттого и плакал навзрыд.

Вернуться в вагон мы не смогли, дверь заклинило. Ее вскоре выбили: люди стремились выйти наружу, опасаясь, что конструкции пострадавшего вагона обрушатся. Нам с Митей помогли спуститься. И только тогда я поняла, что произошло.

Два поезда столкнулись на приличной скорости, лоб в лоб. Первые вагоны смяло в лепешку. Даже в нашем, находящимся почти в хвосте, были погибшие. И очень много раненых.

В руках я держала Митю, саквояж Ульяны и собственную сумку. Чемодан остался в покореженном вагоне. Столкновение произошло в поле. Кто-то сказал, что до Владимира недалеко, и оттуда скоро прибудет помощь. Пока же из вагонов выносили раненых и погибших.

Происходящее напоминало жуткий кошмар, только проснуться не удавалось. Я искала Ульяну, но с малышом на руках затруднительно бегать вдоль дорожного полотна. К тому же, я постоянно прижимала головку Мити к плечу, чтобы он не видел крови. Мне и самой становилось дурно, стоило бросить взгляд туда, где лежали погибшие.

Но смотреть пришлось. Я надеялась, что Ульяна сама нас отыщет, ведь у меня ее вещи, но она будто сгинула. И сначала я спросила, нет ли ее среди раненых, а после заставила себя посмотреть на тела, вынесенные из нашего вагона.

Ульяну я узнала по костюму. Голова ее была разбита, лицо залила кровь.

Меня затошнило, но быть слабой – непозволительная роскошь. На моих руках все еще вздрагивал от плача сын, и я поспешила туда, где собирали женщин с детьми и стариков.

К счастью, стояло лето, и ночь, все еще теплая, отступала быстро, сменяясь серыми утренними сумерками. Первыми нам на помощь явились военные. Как мы с Митей добрались до города, я не запомнила. Кто-то помог дойти до дороги, а там нас посадили на подводу. Кажется, нас даже осматривал врач.

Очнулась я на постоялом дворе какого-то скита. Там, наконец, удалось отдохнуть, поесть и привести себя в порядок. Тогда же я поняла, что саквояж Ульяны все еще со мной.

Но я ведь его не украла? Ей он уже без надобности.

Я заглянула внутрь. Из вещей там нашлись смена белья, чулки, умывальные принадлежности, духи и прочие бытовые мелочи, вроде ниток с иглами, шпилек и заколок. А еще там лежали документы: метрика, паспортная книжка и рекомендательные письма на имя Ульяны Алексеевны Лопаткиной. Оказалось, мы тезки и по отцу. И возраст у нас одинаковый.

Паспортной книжки у меня не было вовсе. Ее оформляли только с разрешения отца, а он меня «похоронил». Пока хватало и метрики, но письма...

Рекомендательные письма от влиятельных особ, с их личными печатями, на плотной бумаге с вензелями, соблазняли совершить преступление.

Документов при Ульяне нет, ее не опознают. Возможно, позже ее бывшие хозяева поймут, что она пропала. Но я успею добраться до Москвы, получить хорошее место, зарекомендовать себя. Я должна рискнуть, ради сына. Метрики и рекомендательных писем хватит, чтобы устроиться на работу.

У Мити, и вовсе, никто метрику не спросит, пока ему не придется идти в школу. Я обязательно что-нибудь придумаю. Потом. А пока надо запомнить, что отныне мое имя Ульяна Алексеевна Лопаткина.

Глава 3

– Афанасий! Афанасий! Где тебя бесы носят?! Афанасий!

Зычный мужской голос раскатом грома прокатился по дому. И, казалось, оконные стекла звякнули.

– Я здесь, ваше превосходительство.

Хрустальная ваза разбилась вдребезги, ударившись о притолоку, аккуратно над головой Афанасия. Он успел отпрянуть за дверь, прячась от осколков.

– Я просил обращаться ко мне по имени и отчеству, – зло процедил Владияр.

– Прошу прощения, Владияр Николаевич, – невозмутимо отвечивал Афанасий, возвращаясь в столовую. – Привычка.

В байку о его забывчивости Владияр не верил. Едва получив звание генерал-майора, он лично выбрал прапорщика Афанасия Серова в адъютанты за гибкий ум, прекрасную память и добросовестное отношение к службе. А вот в то, что бывший адъютант, а ныне добровольный слуга, хотел обратить гнев хозяина на себя, поверить мог. Но и Владияр целился не в его голову, а в притолоку.

– Дорогая, должно быть, вещь, Владияр Николаевич. – Афанасий поцокал языком. – Княгиня расстроится.

А вот это вряд ли. Матушка никогда не привязывалась к таким вещам. Кособоковую вазочку, слепленную внучкой из

глины, она всяко ценила больше, чем хрусталь завода «Валь Сен-Ламбер».

– Ты мне зубы не заговаривай, – произнес Владияр уже спокойнее. И ткнул пальцем в тарелку, стоящую перед ним. – Это что?

– Ваш завтрак, ва... Владияр Николаевич.

– Это помои! – отрезал Владияр. – Я такое и собаке не позволил бы есть.

Он демонстративно перевернул тарелку, и жидкая овсяная каша скользкой массой растеклась по белоснежной ска-терти. За дверью всхлипнула женщина.

– Это рекомендации... – начал было Афанасий, но Владияр грохнул кулаком по столу.

– Лекарь не рекомендовал жевать овес, замоченный на воде! Он не говорил, что пища должна быть несъедобной!

– Да я все правильно сделала, – запричитала женщина за дверью. – Я в больнице при кухне служила. Если пища должна легко усваиваться, то овсяная кашка...

– Уволена, – оборвал ее Владияр. – Афанасий, принеси мне что-нибудь съедобное. Хоть творогу со сливками.

– Жирное вам нельзя, – подала голос женщина.

– Ты еще здесь? Афанасий, рассчитай ее немедленно.

Афанасий молча поклонился и вышел. Владияр толкнул колеса кресла, откатываясь к окну.

«Достало. Все достало. Ни уюта в доме, ни вкусной еды...»

Ни женской ласки, ни дружеской поддержки, ни занятия, приносящего радость. Увечье разделило жизнь Владияра на две половины: до и после. Сила, здоровье, удача, блестящая военная карьера – с одной стороны. Никому не нужный инвалид – с другой.

Владияр знал, что сгущает краски. Семья его поддерживала. Матушка, отец, братья... Все желали ему добра и старались помочь. Просто Владияр устал быть обузой. К тому же матушка, наконец выйдя замуж за батюшку, наслаждалась медовым месяцем в кругосветном путешествии. Старший брат Владимир перебрался в Лукоморье, не желая расставаться с женой-хранительницей даже ради собственной компании. И когда Владислав, младшенький, вернулся с семьей в столицу, Владияр с преогромным удовольствием передал ему бразды правления и переехал жить на дачу в Малаховку. Все одно дом давно стоял пустой.

Владислав возражал. В огромном доме вполне хватало места и всем: И Владияру, и Владиславу с женой Марьяной и детьми. Владияр никому не признавался в том, что сбежал. Позорно дезертировал с поля семейной жизни. Он чувствовал себя лишним в гостиной, когда вечерами Влад и Марьяна, уложив детей, пили чай. Его раздражали детские голоса – смех, слезы, крики. Он завидовал счастьем брата. И надеялся, что на расстоянии будет проще смириться с тем, что у него никогда не будет ни любящей жены, ни детей.

Смешно, но раньше Владияр о семейной жизни вовсе не

задумывался. И не влюблялся. Вернее, не любил. А влюбленности случались. Он мог заполучить любую красотку, не шевельнув и пальцем.

Звякнули осколки вазы. Афанасий вернулся с веником.

– Тебе не надоело? – громко спросил Владияр, чувствуя, как подкатывает раздражение.

– Что именно, Владияр Николаевич?

– Вот это все! – Он махнул рукой. – И я, в первую очередь. Ты же мог остаться на службе, сделать карьеру. Какого беса ты моешь мне зад и меняешь штаны?!

– Мы уже говорили об этом. – Голос Афанасия звучал спокойно. – Вы спасли мне жизнь. Это мой выбор. И кто-то должен это делать. Чем я хуже других?

Все верно. Владияр заводил этот разговор с завидной регулярностью. И, стыдно признаться, всякий раз боялся услышать в ответ: «Вы правы, ваше превосходительство. Я ухожу».

– Ты мог бы жениться, – упрямо продолжил Владияр. – Жена, дети...

– Вы – моя семья, – привычно ответил Афанасий. – А коли богам будет угодно, то и женюсь, одно другому не мешает.

– А эта... как ее...

– Глафира, – подсказал Афанасий.

– Глаша тебе не приглянулась?

– Не пойму я, Владияр Николаевич, вы экономку в дом ищите или мне жену?

– Одно другому не мешает, – пробурчал Владияр, намеренно повторяя слова Афанасия.

– Тогда нет. – Афанасий закончил сметать осколки и выпрямился. – Вороватая она. И нечистоплотная.

– Где их только берут, – фыркнул Владияр.

Матушка умела нанимать прислугу. И Влад предлагал взять кого-нибудь из дома в помощницы. Но Владияр решил, что найдет экономку сам.

– Я напишу в агентство, пусть пришлют кого-нибудь другого. Чтобы готовить умела и за порядком в доме следить. Неужели я слишком много прошу, Афанасий?

– Никак нет, Владияр Николаевич. А за творогом к молочной я сейчас схожу. Суп попрошу соседскую кухарку сварить. Добрая баба, поможет. С остальным сам справлюсь.

– Газету принесли? Проверь почту.

С газетой Афанасий принес письма: от матушки, от Владимира и от Владислава.

Матушка прислала открытку из Баден-Бадена, с видом на недавно открытый фонтан «Жозефина». Она справлялась о здоровье и просила писать чаще, но уже не в Баден-Баден, а в Лейкербад.

Владимир подробно рассказывал о разработке нового артефакта для инвалидной коляски. Владияр все порывался написать ему, чтобы не маялся дурью, но опасался обидеть. Брат от чистого сердца старается, и кому-то его изобретение может помочь.

– Мог бы приехать, а не переписку вести, – пробурчал себе под нос Владияр, открывая письмо от младшего брата.

Из конверта выпал листок, исписанный крупными печатными буквами, и детский рисунок. Послание от Василисы, старшей дочери Влада, было коротким.

«Дорогой дядюшка Яр! Как твои дела? Мои хорошо. Я научилась кататься на велосипеде. Я скучаю. Когда ты нас наведишь?»

Буквы отчего-то стали расплываться. Владияр моргнул.

«Люблю. Целую. Василиса».

На рисунке двое сидели у камина: мужчина в инвалидной коляске и девочка у его ног. Мужчина держал раскрытую книжку.

Владияр вспомнил, что то недолгое время, что он прожил под одной крышей с семьей младшего брата, вечерние чтения у камина стали для них с племянницей традицией.

Владияру казалось, что брат с женой специально отправляют к нему Василису. Из жалости. Зависть страшна тем, что отравляет душу.

Владияр скомкал письмо и рисунок и бросил на пол. А потом корячился, доставая их из-под буфета, чтобы спрятать в карман домашнего сюртука.

И едва успел раскрыть газету к возвращению Афанасия, делая вид, что занят чтением новостей.

Глава 4

В агентство «Крошечка Хаврошечка» я пришла вместе с Митей. С кем я могла его оставить? С чужим человеком в гостинице? При одной мысли об этом нутро сворачивалось в тугой узел.

После крушения поезда я все время держала сына при себе, хотя он был вполне самостоятельным ребенком. С одеждой справлялся сам, из-за еды не капризничал, мог играть один, не требуя постоянного внимания. Но страх потери я испытывала задолго до его рождения, и теперь он только усилился.

В агентстве на меня взирали, как на сумасшедшую. Я и сама понимала, что конкуренция высока даже среди женщин с безупречной репутацией, молодых, сильных и здоровых. Я могла соврать, что рано овдовела, но и при этом условии найти хорошее место с ребенком на руках очень трудно, несмотря на прекрасные рекомендации.

Я не чувствовала уверенности, и не только из-за Мити. После родов я располнела и, хотя и ограничивала себя в мучном и сладком, похудеть до прежних размеров не смогла. Полагаю, проблема была в каком-то заболевании, у меня до сих пор не восстановился женский цикл, но денег на лекаря я жалела. Как и на новые платья, довольствуясь тем, что расставляла старые. А еще я до смерти боялась, что обман рас-

кроется. При мысли о том, что будет с Митей, если меня отправят в тюрьму, темнело в глазах.

Ждать пришлось около часа. Когда я, в свою очередь, приблизилась к стойке регистрации, служащая поморщилась, увидев Митю. Но на документы все же взглянула.

– Шансов мало, – сказала она, протягивая мне анкету. – Заполнять будете?

– Непременно, – ответила я, выхватывая у нее листок.

Улыбнувшись, она угостила Митю конфетой. Пока я заполняла разбиралась с анкетой, он умудрился испачкаться в шоколаде так, что платок с грязью не справился.

– Нужна вода, – растерянно произнесла я.

– Ох... Идите до конца коридора. Слева есть комната с умывальником, – сжалилась надо мной служащая. – Только не шумите.

Митю я отмыла быстро, однако остаться незамеченными нам не удалось.

– Опять отказ? – услышала я чей-то возмущенный голос. – Что этот Юрьевский себе позволяет?

Ответ прозвучал тихо, я уловила лишь два слова: «сын» и «князя».

– Бывшего Великого Князя, – возразил тот же голос. – И не сын, а бастард. Какое это имеет значение? Мы отправляли к нему лучших из лучших. И все, как одна, утверждают, что он придирается по пустякам. Не знаю, развлекается он или издевается...

Тут я сообразила, что подслушивать нехорошо. А говорящие, вполне вероятно, ждут, когда мы с Митей освободим нужную им комнату. Поэтому толкнула дверь и вышла в коридор.

Разговаривали двое: мужчина и женщина. К слову, громко возмущалась женщина, мужчина же выглядел сердитым, но вел себя сдержанно.

– Вот! – Женщина ткнула в меня пальцем. – Что вы здесь делаете? Ищете работу?

– Д-да, – подтвердила я, крепко сжимая Митину ладошку.

– Пойдете экономкой к отставному военному? – спросила женщина. – Уборка, готовка, стирка, мелкие поручения.

– Да, – ответила я, не задумываясь.

Выглядела женщина респектабельно. Мне показалось, что она занимает в агентстве высокий пост.

– Хозяин не выносит детей, – вмешался мужчина.

– Вам есть с кем оставить ребенка? – обратилась ко мне женщина.

– Нет, но Митя никому не помешает. Он умеет играть тихо. Я обещаю, что...

– Хозяину нужна прислуга с проживанием, – сухо произнес мужчина.

Выглядел он лет на сорок пять. И, возможно, тоже был военным. Обычные слуги не держат спину столь прямо, а подбородок не задирают столь высоко.

– Если у нас будет своя комната, Митя оттуда не вый-

дет, – пообещала я. – Пожалуйста, не отказывайте сразу. Мне очень нужна работа.

– Ты не прoderжишься и дня, – усмехнулся мужчина. – Но тебе заплатят за неделю. Я соглашусь с выбором агентства из-за мальчика.

Это он нас пожалел, что ли? Впрочем, мне не до гордости. Я постараюсь понравится его хозяину-деспоту. Я смогу!

– А вы ищите ей замену, – продолжил он, обращаясь к женщине. – Или хозяин обратится в другое агентство. Кроме того, что он бастард бывшего Великого Князя... – Эти слова он произнес с ехидцей. – Он еще и герой России. Вы же не хотите, чтобы пошли слухи о вашем непрофессионализме?

– Не нужно меня запугивать. – Женщина расправила плечи. – Я уверена в своих сотрудниках.

– Вот и посмотрим. – Мужчина повел плечом и повернулся ко мне. – Я предпочел бы забрать вас сразу.

– Не так быстро, – вмешалась женщина. – Милочка, пойдемте с собой, надо оформить все документы.

– Мне только из гостиницы вещи забрать, – сказала я.

Как тут не верить в судьбу? И все Митька виноват. В поезде ему в туалет приспичило, и мы мало что живы остались, так еще и при чужих документах. А сейчас, если б не испачкался, мне не предложили бы это место.

Тут Митя, вероятно решив, что достаточно долго вел себя тихо и послушно, заканючил, что устал и хочет на ручки. Я подхватила его, не раздумывая. И тут же услышала за спи-

ной:

– Позволь помочь.

– Помочь? – повернувшись, я с недоумением уставилась на мужчину.

– Могу подержать мальчика, – невозмутимо произнес он.

– Но он не пойдет на руки к незнакомцу...

– Афанасий Семенович Серов, – представился он. – Ты можешь Афанасием звать, а он – дядей Афанасием.

– Ульяна... А это Митя, – пробормотала я.

– Ну что, Митя, будешь за мамку держаться или пойдем ведомобиль смотреть? – усмехнувшись, обратился к сыну Афанасий.

– Ведомоби-и-ий? – Глаза у Мити тут же округлились, и он потянулся к Афанасию. – Идем!

Правда, в последний момент он все же вспомнил обо мне.

– Мама, можно? – спросил Митя.

И я его отпустила. Не иначе, как затмение нашло. Однако, оформляя документы, тревоги за сына я не испытывала. Афанасий казался мне надежным мужчиной.

К новому месту жительства мы, и правда, отправились на ведомобиле. Радости Мити не было предела. Он попискивал от восторга, глядя в окно на проплывающие мимо дома.

– Помочь вынести чемодан? – предложил Афанасий, остановив ведомобиль у гостиницы.

– Не стоит, – ответила я.

Я так ничего и не купила из одежды, сразу отправилась в

агентство, оставив магазины на потом.

– Это все? – уточнил Афанасий, уставившись на саквояж. – Негусто.

– Так мы же на том поезде ехали, что в крушение попал, – сказала я. – Слышали, наверное? Чемодан там сгинул.

– Сама-то откуда?

– Ехали из Нижнего, а так-то потрепала жизнь...

Я понимала, что отвечать на такие вопросы придется, и заранее придумала ответы. Часть биографии взяла у погибшей Ульяны, чтобы соответствовать рекомендательным письмам. Часть – у себя, чтобы объяснить жизнь в скиту. Часть – придумала.

За разговором не заметила, как мы выехали из города.

– Дом не в Москве? – испугалась я.

– В Малаховке, – сказал Афанасий. – Дачный дом, небольшой. Хозяин один живет. Я при нем.

Как-то поздно я сообразила, что еду с ребенком в дом, где живут двое мужчин. Не мне о репутации переживать, но все же...

Видимо, что-то эдакое отразилось на моем лице, потому что Афанасий добавил:

– Не обидит тебя никто, не переживай. Сама увидишь. И мальчика сразу к хозяину не тащи, иначе он и шанса тебе не даст.

– А как же... – растерялась я.

– Увидишь, – загадочно повторил Афанасий.

Глава 5

Признаваться в том, что подслушивала, не хотелось, и я спросила у Афанасия, как зовут хозяина.

– Ты ж бумаги подписывала, – фыркнул он.

– В такой спешке, что прочитать толком не успела. – И это правда. – Я сейчас и к Чернобогу в служанки пошла бы.

– Оно и заметно, – согласился Афанасий. – Владияр Николаевич Юрьевский. Княжич. Генерал-майор в отставке. Слышала о нем?

– Э-э-э... Нет. Он старенький, да? Поэтому характер испортился?

– О характере знаешь, а имя впервые слышишь?

– Да там говорили... – смутилась я. – Что он всех гонит, что угодить ему трудно.

– А ты не угождай, – сказал Афанасий. – Дело свое делай, как умеешь. Там видно будет.

– Вы сказали, я и дня не продержусь.

– Скорее всего. Вот что... Мы почти на месте. Машину я во двор загоню, вас через черный вход проведу. Митьке вели вести себя тихо. Посидит на кухне, а я тебя к хозяину отведу, поздороваешься. Не пялься на него, вопросов не задавай. На все вопросы я отвечу. Поняла?

– Да. А если он о чем-то спросит?

– Спросит, ответишь. Но это навряд ли. Он и имени твоего

не запомнит.

– Совсем старенький? – догадалась я. – Он один? Семьи нет? Дети не навещают?

Афанасий как-то странно булькнул: то ли смешок то был, то ли возмущение.

– Позже расскажу, – пообещал он.

Дачный поселок утопал в зелени. За причудливыми изгородями виднелись деревянные домики с верандами. При каждом – сад, а в нем плодовые деревья и цветники. Улица широкая, оживленная: то стайка ребятишек пробежит, то отдыхающие на велосипедах промчатся. На лужайке играли в лапту. Возле здания с вывеской «Библиотека» стояла тележка мороженщика.

Дача Юрьевского располагалась в конце тихой улочки. Случайные прохожие сюда, похоже, не забредали. Когда Афанасий открыл дверцу, чтобы выйти из ведомобиля, пахнуло флоксами.

– Митя, тут хорошо, правда? – спросила я сына.

– Да, – согласился он.

– Хочешь тут остаться?

– Хочу!

– Тогда води себя хорошо, договорились?

– И побегать нельзя? – огорчился Митя.

– Можно, но не сразу. Сначала посиди тихо-тихо. Ладно?

– Ладно, – согласился он.

Афанасий открыл ворота. Из ведомобиля мы с Митей вы-

шли на заднем дворе.

– Сюда, – показал он.

Черный ход вел на кухню. Я усадила Митю на табурет, а Афанасий неожиданно поставил на стол миску с пирожками.

– С капустой, – сказал он. – Ешь.

Еще и молока налил из глиняного кувшина.

И то верно, с набитым ртом Митя определенно будет молчать. Но я, откровенно говоря, впервые видела такое внимание к ребенку со стороны мужчины.

Афанасий вышел, но вскоре вернулся.

– Пойдем, хозяин ждет, – сказал он мне.

Большой двухэтажный дом снаружи показался мне запущенным: из-за сада, заросшего сорной травой, из-за давно немытых окон. Внутренняя обстановка лишь подтвердила мою догадку. Полы радовали чистотой, порядок тут поддерживали. Но и только. По углам разрослась паутина, мебель не натирали воском, не стирали занавеси и покрывала. В доме пахло чем-то старым, затхлым. И, кажется, еще лекарствами. А обстановка не роскошная, но богатая. Все подобрано со вкусом, чувствовалась женская рука.

Афанасий первым вошел в гостиную.

– Владияр Николаевич, позвольте представить, Ульяна Лопаткина, – торжественно произнес он. – Ваша новая экономка.

Повинуясь указанию, я смотрела в пол, когда произносила слова приветствия.

– Быстро, однако, – проворчал Владияр Николаевич вместо того, чтобы поздороваться. – Ты уверен, что она хоть что-то умеет?

– Завтра узнаем, – ответил Афанасий.

А я не удержалась, подняла взгляд. И едва сдержала испуганный крик.

Мужчина не был старым. Он сидел в инвалидной коляске, и сразу стало понятно, на что намекал Афанасий. Но не это меня испугало. На миг мне показалось, что на меня смотрит... отец Мити.

Но это... абсурд. Я понесла по глупости, случайно. На Ярилин день я сбежала из дома, веселилась на празднике вместе с молодежью из ближайших деревень. И там то ли сама неосторожно выпила бражки, то ли мне подмешали чего-то в питье... Помню, как прыгали через костры, как пускали венки по воде. Помню, как влюбилась до беспамятства в мужчину... блондина с голубыми глазами... Он назвался Иваном, я – Марьей. Мы целовались на берегу реки. И отдавалась я ему добровольно.

В чем мне его винить? Я выдала себя за крестьянку. Еще и спросила, в шутку, искать ли его, если ребеночек появится. А он ответил, мол, попробуй.

«А если найду? – допытывалась я. – Признаешь?»

«Слово скажи, заветное. И я на тебе женюсь».

«Слово? Какое?»

Он задумался на мгновение и произнес: «Est-ce que tu

veux m'épouser ou pas?¹»

Я сделала вид, что ничего не поняла. А он был уверен, что я не обучалась иностранным языкам.

Я определенно была не в себе, но не он меня опоил. Зла на него я не держала. В конце концов, он подарил мне Митю. И ту волшебную ночь я вспоминала без сожалений.

Но тот мужчина – не генерал-майор Юрьевский, что сейчас взирал на меня с явным неодобрением. Просто похож. Немного. Цветом волос. И лицом, если бы был лет на десять моложе.

– Не нравлюсь? – сухо спросил Владияр Николаевич.

Я беспомощно уставилась на Афанасия.

– Это я ее запугал, – великодушно помог он. – Сказал, что уволят сразу, если не понравится хозяину.

Тот хмыкнул и задал новый вопрос:

– Ты откуда?

– Родилась в деревне, жила в городе, при господском доме, и в скиту несколько лет, – отбарабанила я заранее подготовленный текст. – Все умею. Дом вести, готовить. Языки знаю...

– Вот это мне точно без надобности, – перебил Владияр Николаевич. – Иди, ужин готовь. Афанасий даст нужные указания.

Добравшись до кухни, я стерла со лба испарину. Митя спал, положив голову на стол. Недоеденный пирожок выпал

¹ Так ты женишься на мне или нет? (французский)

из его руки.

– Умаялся, – сказал Афанасий. – Он крепко спит? Не испугается, если проснется, а тебя рядом нет?

– Спит крепко, но ему хорошо б понимать, куда бежать, если нужда заставит проснуться, – ответила я.

– Я его наверх отнесу. Горшок рядом поставлю.

– Наверх? Почему наверх? – удивилась я.

Обычно на верхнем этаже располагались хозяйские комнаты, а прислуга жила где-то рядом с кухней.

– Сама не догадаешься? – буркнул Афанасий. – Наверху все комнаты свободны. И детская есть.

– Он... совсем не ходит?

– Нет, прикидывается, – съязвил он. – Значит, так. Приказ ты слышала. Готовить придется из того, что есть. Но у хозяина диета. Знаешь, что это такое?

– Догадываюсь, – буркнула я. – Приготовить что-то легкое? Нежирное?

– Именно. И, желательно, вкусное.

– Сладкое можно?

– В меру. Шевелись. Я ребенка отнесу и вернусь, расскажу подробнее. На кухне хозяйничай, как знаешь. В комнаты – ни ногой.

Распоряжения он отдавал четко, отрывисто. Вот точно, и сам военный. Так и хотелось ответить в его же манере. Но я лишь коротко кивнула и полезла в ледник, в надежде найти там хоть что-нибудь съедобное.

Глава 6

В леднике я нашла творог, сметану, молоко и масло. В шкафах – коллекцию чая, мешочек с кофейными зернами, соль и специи. В кладовой – мешочки с крупами, мукой, сушеными ягодами и фруктами, корзинку яиц, ларь с овощами. На полках – банки с вареньями, соленьями и медом. Кадки из-под огурцов и квашеной капусты стояли пустые. Оно и понятно, старые запасы закончились.

Чего я не обнаружила, так это колбас и сыров. И никакого мяса. Впрочем, для ужина мне хватит и того, что есть.

В доме стояла печь, но использовалась она для отопления. Для приготовления пищи на кухне имелась угольная плита с удобными конфорками, духовкой и баком для нагрева воды. Рядом с ней я нашла ведро с углем и небольшую кочергу. В кухонной утвари недостатка не было.

Поразмыслив, я остановилась на творожной запеканке. Ее можно подать со сметаной, медом и вареньем. А еще можно сделать яблочный мусс. В саду я видела яблони, для мусса хватит несколько плодов из падалицы.

Я тщательно вымыла руки, надела фартук и платок. Их я нашла в шкафу и посчитала чистыми. Первым делом оттерла стол, мало ли что на нем до меня делали. Потом растопила плиту.

В скиту я долго помогала на кухне. Поначалу мне поруча-

ли заготовку продуктов или мытье посуды, но постепенно я училась резать овощи, шинковать капусту, разделявать мясо. Я следила за процессом готовки разных блюд, и как-то незаметно набиралась опыта.

Ничего сложного. Творог протереть через сито. Разбить яйца, разделяя белки и желтки. В творог вмешать желтки, добавить капельку ванили, изюм, цукаты, мелко порезанную курагу. Взбить белки, и аккуратно вмешать их в творожную массу. Переложить все в форму, отправить в духовку.

Афанасий давно вернулся. Краем глаза я заметила, что он застыл у порога и внимательно за мной наблюдает. Не доверяет? Ничего страшного, работа у него такая, о хозяине заботиться.

Управившись с запеканкой, я хотела выйти во двор.

– Далеко собралась? – окликнул меня Афанасий.

– Яблок набрать. Можно?

– Я принесу, – ответил он. – Сколько надо?

– Если падалица, штукек десять.

К несомненным преимуществам этой кухни я отнесла наличие водопроводной системы. Это ж как удобно, что воду ведрами таскать не надо! И посуду можно помыть сразу.

– Пахнет вкусно, – сказали у меня за спиной. – Но выпечку я не ем.

– Ой! – Я чуть не подпрыгнула от неожиданности. – А почему?

Владияр Николаевич остановил коляску у стола и смотрел

на меня с каким-то хищным любопытством.

– Не люблю, – ответил он. – Задание ты провалила. Хочешь остаться в доме?

– Конечно, хочу.

Он повернул голову к окну. Сквозь мутное стекло можно было увидеть Афанасия, собирающего яблоки в небольшую корзинку.

– Принеси водки, – сказал Владияр Николаевич. – Или самогону. Так, чтобы он не видел.

Он махнул рукой в сторону Афанасия и положил на стол деньги.

– На литр хватит. Остальное себе заberi. Справишься, оставлю в доме.

Я сглотнула. Получить место экономки хотелось сильно. Да чего там! Я даже на подлог пошла, чтобы добиться желаемого. Дом мне уже нравился. Кухня удобная, чистоту навести не сложно. Природа вокруг чудесная, воздух вкусный. Тут даже лучше, чем в ските.

Но покупать хозяину выпивку...

Нет, на пьяницу он не походил. Может, потому что Афанасий оберегал его от спиртного? Интересно, как давно хозяин в инвалидном кресле? Навсегда или временно? Афанасий ничего не успел рассказать.

– Нет, я не буду этого делать, – ответила я. – Это не входит в круг моих обязанностей.

– Уволю, – пообещал Владияр Николаевич невозмутимо.

Странно, что уволенные им девушки, по словам работников агентства, не жаловались на то, что их отправляли за водкой. Так, может, их выгоняли за то, что они приносили хозяину спиртное?

– Совести у вас нет, – брякнула я. – Стряпню мою не попробовали, а увольняете за то, что я отказываюсь идти за водкой? А вам можно пить, Владияр Николаевич?

– Нельзя, – произнес Афанасий, заходя на кухню. – Категорически.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно заключила я.

– Я не буду есть пирог... – Взгляд Владияра Николаевича упал на корзинку в руках Афанасия. – С яблоками.

– И где вы его увидели? – Я всплеснула руками. – Афанасий, прошу прощения, но я не люблю, когда мне мешают готовить!

– Чайник поставь, – сказал он мне. – Лучше бы самовар, но это попозже. Владияр Николаевич, я вам чаю заварю.

– И деньги свои заберите, – добавила я.

Деньги взял Афанасий. Он ушел вместе с хозяином, но вскоре вернулся. Я успела помыть яблоки и села за стол, чтобы их чистить.

– Ты молодец, – сказал Афанасий, достав коробочку с чаем. – Не поддавалась искушению.

– Вы не говорили, что нельзя, – напомнила я. – Так это была проверка?

– Только с моей стороны, – признался он. – Хозяин... все-рьез.

– Но он не похож на пьяницу.

– Потому что я не позволяю ему напиваться.

– Он хочет о чем-то забыть? Или испытывает боль? – Я не удержала любопытство в узде. – Вы не расскажете, что с ним?

Афанасий ополоснул кипятком заварочный чайник, отмерил несколько ложек чая.

– Полагаю, хочет забыть. Но это невозможно. Алкоголь убьет его, а не поможет.

На поднос он поставил чайную пару – чашку и блюдце.

– Ты, правда, ничего не слышала о генерал-майоре Юрьевском? – спросил Афанасий.

– Я в скиту жила, – вздохнула я. – Туда новости, если и доходили, то с опозданием. Да и то...

– Так тому происшествию уж несколько лет. Пожалуй, оно раньше случилось, чем ты сына родила.

– Тогда понятно, отчего не слышала, – кивнула я. – Мне тогда вовсе не до новостей было.

– Чай отнесу, вернусь, – сообщил Афанасий.

Не появлялся он долго. Я успела почистить яблоки, порезать их и притомить на огне с небольшим количеством воды. Не дожидаясь, когда полученная яблочная масса остынет, добавила в нее немного манной крупы и взялась за венчик.

– Дай сюда. – Вернувшись, Афанасий отобрал у меня миску с яблочной смесью. – Там у тебя что-то горит.

– Ничего не горит, – обиделась я. – Но уже пора вынимать. Запеканка получилась пышной, и я оставила ее остывать.

– Так вот, Владияр Николаевич, много людей спас, – будничным голосом произнес Афанасий, яростно орудуя венчиком. – В Городце мы тогда стояли. Местные изъяли подводу со взрывчаткой у какого-то лихого купчишки. Его в острог, а подводу к нашим складам пригнали. Рядом двое из молодых чего-то не поделили, один ведуном оказался, пальнул в соперника огнем. Так-то шар слабенький, вреда не причинил бы сильного, кабы в подводу не попал. Та загорелась, да как-то сразу сильно занялась. А Владияр Николаевич рядом был. Он подводу щитами закрыл, да всю силу в них вложил. Взрыв внутри произошел, щиты его сдержали, но все же лопнули. Владияра Николаевича после по кусочкам собирали. Теперь он не ходит. И сила ведуна выгорела.

– Страшно, – поежилась я. – И вы там были?

– Был, – подтвердил Афанасий. – Пока его превосходительство щиты держали, все успели отбежать, и вырвавшийся взрыв был слабее того, что мог случиться, не окажись рядом его превосходительства. Так что он многим жизнь спас. И вообще... герой.

– Герой, – согласилась я. – А лекари что говорят? Он сможет ходить?

Афанасий отрицательно качнул головой, помрачнев.

– А диета?

– А, ну... Так внутренние органы... частично отсутствуют, – пояснил Афанасий. – Почки одной нет, части кишечника. Я список дам, чего нельзя вовсе, а чего можно, но ограничено.

– Если меня завтра не уволят, – хмыкнула я.

– А ты уж постарайся. Долго это взбивать?

– Хватит уже. – Я отобрала у него миску. – Сейчас по чашкам разложу и на ледник уберу. Когда ужин подавать?

– Через полчаса, – сказал Афанасий. – Успеешь?

– Все готово, только остудить осталось. Я проверю, как там Митя?

– Иди, – разрешил он. – Вторая дверь налево.

Митя спал, раскинувшись на широкой кровати. Еще не стемнело, и света из окна хватило, чтобы осмотреться. Комната для гостей? Пожалуй. Я с легкой грустью подумала о том, что такая обстановка для меня привычнее, чем деревенская, а мой сын впервые спит на кровати с мягкой периной.

«Ничего, я так просто не сдамся», – подумала я, поправляя сползшее одеяло.

Глава 7

Как минимум, подача была оригинальной. Пышный кусок творожной запеканки в форме идеального квадрата полили белым соусом, украсили листиком мяты, а на тарелке тщательно нарисовали разноцветную дорожку из меда и смородинового варенья.

По заведенной традиции, за одним столом с Владияром ужинал и Афанасий. На эту уступку он согласился, поддавшись бессовестному шантажу. Владияр заявил, что предпочтет умереть в гордом одиночестве, если Афанасий не составит ему компанию хотя бы за ужином.

– Это можно есть? – поинтересовался Владияр, с подозрением уставившись на запеканку.

Новая прислуга не могла знать, что это его любимое блюдо из детства. И, тем более, никто ей не говорил, что Владияр предпочитал проверенный временем рецепт – тот, которого придерживалась матушкина кухарка.

– Вкусно, – отозвался Афанасий.

Кусок на его тарелке уже уменьшился наполовину.

Наплевав на этикет, Владияр подцепил пальцем капельку соуса, лизнул. Мягкий молочный вкус напомнил ему о мороженом. Ложиться спать на голодный желудок не хотелось. Что ж, выгнать прислугу он успеет и завтра.

Заранее скривившись, Владияр отправил в рот кусочек за-

пеканки. Она не была ни сладкой, ни кислой. И, о чудо! В ней не ощущалось противных мелких комочков.

– На редкость съедобно, – признал Владияр.

Он ел медленно, смакуя каждый кусочек. Если девица умеет готовить, можно дать ей шанс.

– А это что? – спросил Владияр, расправившись с запеканкой. – Почему молоко в пиале? Эта... как ее...

– Ульяна, – подсказал Афанасий.

– Вот-вот. Она уже все чашки побила?

– Это не молоко, Владияр Николаевич. То есть, молоко только сверху. Это яблочный мусс. Ульяна утверждает, что с молоком вкуснее.

Владияр хмыкнул, слил молоко на опустевшую тарелку, благо его оказалось немного, и зачерпнул мусс десертной ложкой.

– Гадость, – вынес он вердикт, едва ощутив, что по вкусу мусс похож на яблочное пюре, коим его кормили в больнице.

Все, что напоминало Владияру время, проведенное под неустанным присмотром врачей, вызывало у него отвращение. Как назло, именно это и готовили все, кого он пытался нанять.

Однако запеканка в исполнении Ульяны выгодно отличалась от больничной, поэтому Владияр проявил снисхождение. Все равно утром она приготовит противную овсяную кашу, будет повод для скандала.

Владияр получал какое-то необъяснимое удовлетворение

от своего мерзкого поведения. Афанасий научился смотреть на него без жалости, но у всех женщин, что присылало агентство, был одинаковый взгляд. Жалость и брезгливость, смешанные в разных пропорциях. Вот и Ульяна...

Владияр задумался. Он не обратил внимания, какие эмоции она испытывает, глядя на него? Или не заметил ни жалости, ни брезгливости, потому что их не было? Ничего, завтра все выяснится.

Самовар принес Афанасий. Он же разлил по чашкам ароматный чай с травами.

– А эта где? – спросил Владияр. – Ульяна? Спать ушла? Ты где ее разместил?

– Наверху, как вы и просили, – ответил Афанасий. – Нет, она не спит. Толчет зерно в ступке.

– Какое еще зерно? – удивился он.

– Не знаю. Спросить?

– Не надо. А самовар...

– А самовар, Владияр Николаевич, тяжелый. Самовар я носить буду, с вашего позволения, как и обычно.

Такой ответ удивил Владияра сильнее, чем зерно в ступке, но он промолчал. Вдруг девушка понравилась Афанасию? Тогда можно потерпеть любую стряпню. И впрямь, выходило, что Владияр ищет жену для верного адъютанта, а не прислугу.

Афанасий пил чай с пирогами, Владияр – с медом. Выпечку он любил, но прекрасно знал, что его ждет, если съесть хо-

тя бы кусочек сдобного теста. Когда-нибудь, когда все окончательно ему надоест, даже яд искать не придется. Достаточно наесться до отвала всего, что запрещено.

Владияр потрянул головой. Подобные мысли все чаще его посещали. И что? Братья переживут. Только матушку жалко. Всякий раз, как Владияр думал о смерти, он видел ее, плачущую у его кровати, истово молящуюся богам, заклинающую высшие силы не забирать у нее сына. Матушку огорчать... нельзя. Никак нельзя.

Вечерами Владияр обычно читал, но сегодня не мог сосредоточиться на тексте. Ни на чем не мог, по какой-то непонятной причине. Афанасий ушел готовить ванну, Ульяна возилась на кухне. Он услышал шелест дождя за окном, и распахнул раму. Пахнуло свежестью, влагой.

Память детства, так некстати разбуженная Ульяной, оживила прошлое. Лето, серпень... Ночное... Лунный выпас, как говорили местные. Тихое ржание лошадей. Запеченная на углях картошка. И матушкина хворостина наутро, за то, что ушел из дома без разрешения.

А вот когда Володька с Любашей за ним увязались, пронесло. Хотя матушка, наверняка, и тогда знала, да пожалела соседскую девчонку.

И дождь, барабнящий по крыше веранды. Маленький Влад, едва научившийся ходить. Тот же Володька с книгой. Матушка с вязанием в руках. Яр перед шахматной доской. Его противник – отец.

«Яр, мама сказала, ты хочешь в военное? – Хочу! Я буду офицером. – Будешь...»

– Владияр Николаевич! – Афанасий рывкнул под ухом, и Владияр вздрогнул. – Что ж вы делаете?!

– А что? – спросил он растерянно.

– Сквозняк! – сердился Афанасий, захлопывая оконную раму. – И прохладно же. Простудитесь!

– Что б я без тебя делал! – язвительно заметил Владияр, откатываясь от окна.

– Померли б давно, – огрызнулся Афанасий.

Когда он так грубил, то, и правда, злился. Владияр вспомнил, как тяжело теперь переносит простуду, и содрогнулся.

– Ладно, прости, – сказал он. – Я забылся.

– Да чего уж. Ванна готова, сейчас согреетесь.

Ночи случались разные. Владияр давно отказался от сновидного. Когда работал, проблем со сном не было вовсе. Однако в последнее время спал он отвратительно, мучился то бессонницей, то кошмарами.

И сегодняшняя ночь исключением не стала. Разнообразия ради, приснилась битва, случившаяся во время турецкой кампании. Грохот пушек, запах пороха и крови, дикое ржание лошадей, звон сабель, вспышки ведовских молний. У ночных кошмаров имелось нечто, мирившее Владияра с их существованием. В снах он мог ходить. Он переставал быть калекой, снова становился тем, кем был рожден: военным офицером, защищающим Отечество.

«В атаку-у-у-у!»

– Владияр Николаевич...

Укоризненный голос Афанасия вырвал его из объятий сна.

– Опять кричал? – хрипло спросил Владияр.

– Да.

– Воды... дай.

– Может, лекарство?

– Засунь его в...

Он осекся, отчего-то вспомнив, что в доме женщина. Вот же глупость. Она и не услышит ничего. И навряд ли упадет в обморок от крепкого словца. Не барышня, чай, и не такое слышала.

– Влади...

– Цыц! – оборвал Владияр Афанасия. – Дай напиться и иди спать. И окно приоткрой, душно.

Афанасий не уходил, пока Владияр не притворился спящим. До утра он так и не уснул, потому на рассвете слышал шаги на втором этаже. И странное дело, там будто бы ходили двое.

Неужели Афанасий так быстро добился благосклонности Ульяны? Что ж, оставалось лишь порадоваться за него. И как-то проглотить утреннюю овсяную кашу, не впадая при этом в ярость.

Глава 8

– Что делаешь? – поинтересовался Афанасий, вернув на кухню самовар.

Чай, значит, они допили. Надо убрать посуду.

– Овес толку, – ответила я, отставляя ступку. – Каша мягче будет, вкуснее.

– Завтра мельницу из чулана достану, – сказал Афанасий. – Ты спрашивай, если надо чего. Сиди, чашки я принесу.

Я плюхнулась обратно на табурет. К слову, ноги меня уже не держали. И есть хотелось так, что живот сводило. Запеканки мне, увы, не досталось. Хозяин дома уничтожил ее подчистую. И для Мити не удалось припрятать кусочек.

Наблюдая, как Афанасий ставит на стол миску с оставшимися пирогами, вазочки с вареньем и медом, тарелку с сушками, сахарницу, я размышляла о том, как сглупила. Обрадовалась первому же предложению и не обговорила никаких условий. Вот на таких «мелочах» я и погорю. Сейчас у меня есть деньги, чтобы купить нам с Митей еду, но любая крестьянка на моем месте первым делом спросила бы, сколько будут платить за работу.

– Меня... не прогонят? – Я старалась говорить спокойно, но голос предательски дрогнул.

Я долго училась жить иначе, чем привыкла, но полностью

избавиться от чувства неловкости, когда приходилось о чем-то просить, так и не смогла.

– Не знаю, – ответил Афанасий. – По утрам хозяин особенно зол. По утрам ему прописали есть овсяную кашу, а он ее ненавидит.

– То есть, проверку я еще не прошла, – заключила я. – Нет смысла спрашивать о жаловании.

– Ты справишься, – неожиданно сказал он. – У тебя есть ребенок.

– Э-э-э... И при чем тут Митя? – растерялась я.

– У тебя есть опыт обращения с маленькими детьми, – пояснил Афанасий. – Сейчас хозяин ведет себя, как дитё. Лекари говорили, что такое возможно. Все же то, что с ним произошло, оставило свой след... – Он постучал указательным пальцем по виску. – По-моему, это его состояние... слишком затянулось. Но я не знаю, как помочь хозяину.

– То есть... Я с этим справлюсь?

– С капризами – определенно. Если постараться.

– А Митя? Я не смогу его долго прятать. Он ребенок, он хочет бегать, играть...

– Придумаю что-нибудь. Ты закончила? Иди, отдыхай.

– Э-э-э...

Я замялась, Афанасий уставился на меня вопросительно.

– Помыться тут... где-нибудь можно? Баню поздно топить...

– На втором этаже есть ванная комната, – ответил он. –

Показать, как пользоваться колонкой?

– Но она не для прислуги, – возразила я. – И комнаты... Нам с Митей хватило бы той, что положена кухарке.

– Тебе нельзя жить на первом этаже. – Афанасий вздохнул. – Это распоряжение хозяина. Он не хочет, чтобы прислуга делила с ним первый этаж. Вторым он не пользуется. Гостей не принимает. Можешь спокойно использовать ванную комнату. Но сыну скажи, чтобы по всем комнатам не бегал. Что-то еще?

– Да. – Я, наконец, решилась. – Можно доесть пирожок? Он уставился на меня так, будто у меня выросли ослиные уши.

– Нет, так нет, – пробормотала я, мгновенно смущаясь. – Я с утра ничего не ела. И поздно уже, лавки закрыты...

– Это моя вина. – Афанасий отмер. – Я не сказал, что место с проживанием и питанием. Ты могла поужинать тем же, что готовила для хозяина. Разве ничего не осталось?

Если с запеканкой разделался Владияр Николаевич, то яблочный мусс съел сам Афанасий. Надо будет спросить, зачем он сидит на той же диете. Если из чувства солидарности, то долго он на ней не протянет. Хотя вот... пирожки ел. Наверное, купил в какой-нибудь лавке.

– Мне пирожка хватит, – сказала я.

– Чаю налей.

– Молоком запью. Завтра составлю список, какие продукты купить. И... мне бы еще что-то из одежды. Я говорила,

чемодан пропал при крушении поезда. Митю переодеть не во что, и у меня кроме этого платья ничего нет.

– Разберемся, – пообещал Афанасий. – Завтра.

И правда, зачем беспокоиться заранее, если завтра меня выгонят.

Впрочем, наверх я отправилась, полная решимости не сдаваться. С запеканкой же получилось!

Афанасий сравнил хозяина с ребенком. Но ведь капризничают не только избалованные дети. Княжич Юрьевский – генерал-майор, герой. Он не может быть избалованным. В воинских званиях я разбиралась достаточно. И понимала, что в столь молодом возрасте стать генерал-майором можно и по протекции. Особенно когда твой отец – Великий Князь. Но такие «генералы», как правило, героями не становятся. Владияр Николаевич, не задумываясь, закрыл собой людей, чудом выжил. Не от избалованности его капризы, не от эгоизма.

Дети капризничают, когда им не хватает внимания. Афанасий сказал, что Владияр Николаевич сам оставил родных, захотел жить в уединении. Может, он чувствовал себя обузой, а в глубине души надеялся, что его не отпустят?

Короче, разберусь. Мое дело маленькое – накормить вкусно, соблюдая предписания врачей.

Дождь мерно стучал по водосточной трубе. Я зажгла лампу и набросила на нее платок, чтобы свет не разбудил Митю. Смена чистого белья у меня есть, и надо привести себя

в порядок. Жаль, платье придется надевать грязное, но тут ничего не поделать. Почищу, как могу.

Вернувшись в комнату, я разобрала оставшиеся вещи. И, наконец, открыла тетрадь, что отдал мне на вокзале брат. Чудо, что она лежала в сумке. А ведь хотела переложить в чемодан, да забыла, к счастью.

Первым на глаза попался конверт. Запечатанный.

«Моей дочери Ульяне», – прочла я. Надо же, сестры не вскрыли чужое письмо...

«Милая моя девочка, прости меня. Мне не достало сил защитить тебя, не хватило мужества пойти против семьи, как это сделала ты ради своего ребенка...»

– Мама, не надо, – прошептала я беззвучно. – Ты единственная поддерживала меня. Ты единственная, кому не надо просить прощения...

Мама писала о своей болезни. Она знала, что скоро умрет, лекари давали неутешительные прогнозы. Денег на хорошего ведуна не было. Но это по ее словам. Я понимала, что отец решил не тратиться на лечение жены. В последние годы он все сильнее боялся разорения.

«Мне нечего тебе оставить. То, что принадлежало лично мне, уже продано, деньги тебе передавала Маняша. А те драгоценности, что дарил отец, отойдут твоим сестрам. У меня есть только эта тетрадь. В ней записи рецептов. Их делала не я. Мне они достались в наследство от бабушки. Она не была ведьмой, в нашем роду нет ведунов. Но они волшебные.

Надо лишь соблюдать рецептуру и четко следовать инструкции. Так она говорила. Мне не довелось их испробовать, но я отчего-то верю, что тебе они помогут».

А вот это, пожалуй, странно. Волшебные рецепты, работающие без ведовства? Разве такое возможно?

Я полистала тетрадь. Все страницы исписаны мелким убогим почерком, в полутьме не разобрать слов.

«Рецепт хорошего настроения», – наконец прочла я один из заголовков.

В дверь тихо постучали. Я закрыла тетрадь и вышла в коридор.

– Я увидел полоску света под дверью, – сказал Афанасий. – И подумал, что ты еще не спишь. Вот.

Он протянул мне стопку одежды.

– Это... что? – спросила я недоуменно.

– Для мальчика. Размер должен подойти.

– Но откуда...

– Это дача семьи Юрьевских, – терпеливо пояснил он. – У княгини три сына. Кое-что из старой одежды хранилось на чердаке. То, что не успели отдать, полагаю. Чердак сухой и чистый. И одежда чистая.

– А хозяин не будет против?

– Владияр Николаевич не должен увидеть Митю, – напомнил мне Афанасий.

А, точно. Я и забыла.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Увы, но старые платья княгини тебе не подойдут, – добавил Афанасий. – Она... худенькая.

Он смотрел на меня, не мигая. И, как мне показалось, с насмешкой.

– Было бы невежливо мыть полы в платье княгини, – сухо ответила я. – К тому же, мне от Владияра Николаевича прятаться никак нельзя.

– Верно, – согласился он. – Завтра что-нибудь придумаю. Доброй ночи, Ульяна.

Положив одежду на стул, я погасила лампу и легла рядом с сыном. С рецептами завтра разберусь. Тот, что для хорошего настроения, мне точно пригодится.

Глава 9

Митя привык просыпаться рано, из-за меня. Я вставала на работу и отводила его туда, где жили в скиту сироты. Там он проводил полдня под присмотром жрицы-наставницы, потом мы возвращались домой. Иногда я брала его с собой на кухню. Жрица-хозяйка позволяла это, потому что Митя вел себя тихо: рассматривал книжки с картинками или рисовал в альбоме. Книжки и рисовальные принадлежности присылала ему бабушка.

Вот и сейчас он открыл глаза, стоило мне встать с кровати.

– Поспи еще, – предложила я.

Но Митя упрямо замотал головой, и я повела его в ванную комнату. Может, даже хорошо, что он умоется и позавтракает до того, как встанет хозяин дома. Как-то нелепо прятать от него ребенка, я предпочла бы сказать правду. Но если Афанасий считает, что так лучше...

На кухню мы спустились вместе с Митей, одетым в костюмчик, что сделал его похожим на барчука. Афанасий ждал нас, и мне показалось, что он не ложился вовсе.

– Вот. – Он указал на ручную мельницу. – Я ее почистил. Ты же умеешь ею пользоваться?

– Умею, – обрадовалась я. – Откуда она здесь?

– Сказал же, что в чулане стояла, – напомнил Афанасий.

– Да, но... Это же дача, а не крестьянская изба, – возра-

зила я. – Неужели кто-то молот тут муку?

– Не знаю, – ответил он. – Я тут раньше не жил. А мельницу в чулане нашел, когда инструменты искал. Но ты же тоже не муку молотить собралась?

– Зернышки овса, – сказала я. – Немного.

Управляться с мельницей я, и правда, умела, но не очень сноровисто. Надо было придерживать жернова одной рукой, а другой вращать ручку. Афанасий понаблюдал за моими мучениями и предложил помощь. Вернее, попросту отогнал от мельницы.

Митя канючил, что хочет гулять, и Афанасий разрешил ему выйти во двор.

– Цветы не топтать, не рвать, ветки не ломать, не шуметь, – строго сказал он. – И за забор ни ногой. – И добавил, для меня: – Пусть побегает. Пока хозяин в постели, в окно он не выглядывает.

– А соседи? – спросила я.

– Владияр Николаевич никого не принимает.

Сварить кашу – дело нехитрое. Но на кухне хватало и других забот. Наполнить бак с водой, почистить печь, засыпать новые угли, подмести и вымыть пол. Для Афанасия я приготовила омлет, пожарила картошки. Заодно выяснила, как хозяин отнесется к тому, что после завтрака я начну уборку дома.

– Тебе необязательно делать все самой, – сказал Афанасий. – Найми кого-нибудь, здесь есть приходящие служанки.

Только отвечать за их работу будешь ты.

Завтракали мы втроем: Афанасий, Митя и я. Потом Афанасий отвел нас с Митей наверх, в детскую комнату. От обилия детских игрушек и книжек Митя дар речи потерял. Только смотрел на меня жалобно, будто спросить хотел, разрешат ли ему здесь остаться. И я опять с трудом проглотила слезы.

– Не шуметь, не кричать, не ломать игрушки и не рвать книжки, – сказал Афанасий. – Справишься?

– Да! – с восторгом пообещал Митя.

– Где ванная комната, ты знаешь, – добавила я. – А если что будет нужно...

Я взглянула на Афанасия.

– Очень тихо спустишься по лестнице, и сразу на кухню, – сказал он. – Владияр Николаевич туда редко заглядывает.

Я сомневалась, что Митя справится со всеми наставлениями. Все же ребенок. Но если испортит что – заплачу. А если хозяин его увидит... Не факт, что он не выгонит меня после завтрака, так что подумаю о последствиях позже.

Митя тоже терпеть не мог овсянку, но ел ее, если я добавляла в кашу мед, варенье или свежие ягоды. Последних под рукой не было, поэтому я заранее приготовила смесь из сушеных малины, смородины и черники, добавила к ним мелко порезанную курагу, запарила все заранее, слила воду через марлю. Перед подачей в миску с кашей я добавила ягодную смесь и ложечку меда.

Пока Афанасий был занят утренними процедурами хозя-

ина, я успела приготовить кое-что еще по рецепту из скита. Жрица-настоятельница страдала больной печенью, а поесть любила, поэтому ей часто готовили что-то вкусное и не вредное. Например, блинчики из гречневой муки, жаренные на сухой сковороде. Тертая морковь, чуть припущенная на пару, горсть изюма – и готова сладкая начинка.

Афанасий взглянул на блинчики скептически, однако выслушал мои торопливые объяснения. И без возражений отнес блюдо в столовую.

Через пару минут Владияр Николаевич потребовал меня.
– Доброе утро, – поздоровалась я, войдя в столовую.
– Доброе? – Он взглянул на меня хмуро. – Как скажешь. Это что?

Пальцем он ткнул в миску с кашей.
– Овсянка, Владияр Николаевич, – ответила я, как можно спокойнее.

Внутри все дрожало от напряжения, но я старалась не выдавать беспокойства. Как-то это... унизительно, что ли? Когда твоя судьба зависит от каши.

– Не похоже, – сварливо сказал он.
– Зерно смолото в муку, сварено на молоке, – терпеливо пояснила я. – От этого полезные свойства не пропали. И ягодки... для вкуса.

– Ягодки, значит, – с непонятной угрозой в голосе произнес Владияр Николаевич.

Сейчас, когда солнце заливало столовую, я заметила, что

у него нездоровый цвет лица, с едва заметной желтизной. А еще он определенно похудел. Нет, я не видела его раньше, но одежда на нем висела, и, значит, раньше он был шире в плечах. И взгляд...

Я с трудом его выдержала. И не было в нем ни гнева, ни угрозы. Меня словно полоснуло тоской – черной, бездонной. И это при том, что глаза у Владияра Николаевича голубые, светлые. Такие глаза... и наполнены тьмой, без капельки чистого света.

Я нервно сглотнула, а Владияр Николаевич, не отрывая от меня взгляда, отправил в рот ложку каши. Прожевал. Проглотил. Лицо его вдруг стало удивленным, как у Митьки, когда он нацелился капризничать, а повода не нашлось.

Я поняла, что перестала дышать. Афанасий тоже замер. Только большие напольные часы тикали, отмеряя время.

Тик-так. Тик-так.

Владияр Николаевич шумно выдохнул и принялся за еду. Я взглянула на Афанасия. «Мне уже можно уйти?» Он отрицательно качнул головой.

– Полагаешь, блины...

Я вздрогнула. Увлечшись переглядами с Афанасием, не заметила, как Владияр Николаевич доел кашу.

– Они на гречневой муке, – поспешно произнесла я. – И без масла. Вам такое не навредит.

Владияр Николаевич взял в руки нож и вилку, отрезал кусочек, уставился на оранжевую начинку. Хмыкнул. Подце-

пил кусочек вилкой и съел его.

Я вновь сглотнула.

– Принята, – обронил Владияр Николаевич. – На испытательный срок. Посмотрим, что еще ты умеешь готовить.

– С-спасибо, – выдавила я.

И, наконец, повинувшись жесту Афанасия, удалилась на кухню. А там, рухнув на табурет, заплакала, утирая лицо передником. Глупо, конечно, ведь я сама выбрала такую судьбу. И надо бы проверить, как там Митя, а не лить напрасные слезы.

– Ты чего? – удивился Афанасий, появляясь за спиной. – Тебя же не выгнали.

– Это от радости, – буркнула я, поднимаясь.

Признаться в том, что плачу от унижения, я ни за что не смогла бы. Никогда. Никому.

Глава 10

Митя спал, устроившись на диванчике, и крепко обнимал во сне мягкого медвежонка. Такую игрушку он увидел как-то в руках у мальчика, встреченного нами на улице, попросил ее в подарок. Тогда я и узнала, что такая покупка мне недоступна. И даже не из-за цены. Мягкого набивного медведя можно было привезти из-за границы или выписать по почте оттуда же, и никак иначе.

Я обошла замок, выстроенный из кубиков, чуть не наступила на машинку и, наклонившись, пощупала Митин лоб.

– Заболел? – шепотом спросил Афанасий.

Он ходил за мной по пятам с тех пор, как застал меня плачущей на кухне.

– Нет. Он рано просыпается, и может заснуть чуть позже. Я проверила на всякий случай, лоб холодный, – так же тихо ответила я.

Из сундука, стоящего в углу комнаты, Афанасий вынул легкое одеяльце и подал его мне. Я укрыла Митю, и мы вышли из детской.

– Не хочешь будить? – Афанасий прикрыл дверь в комнату.

– Пусть поспит.

– А я хотел предложить ему прогуляться. Тут недалеко есть толкучка, не чета московским, помельче, но готовое

платье купить можно. Или ткань. Ты шить умеешь?

Я отрицательно качнула головой.

– Только вышивать. Крестиком. Еще вязать умею. Шитью меня учили, но я к нему неспособная.

– Все одно, поездку придется отложить, – сказал Афанасий.

– Зачем? Поедем сейчас. Заодно продукты купим.

– А как же Митя? – удивился он. – Не боишься оставить его одного? Он же еще маленький.

– Это у господ дети под присмотром нянек до школы, а то и дольше, растут, – усмехнулась я. – А мы с голоду померли бы, если б Митька за мою юбку держался. Пошуметь он может, коли заиграется, но не испугается, если меня не найдет.

Кажется, я хорошо вошла в роль. Вру складно, Афанасий определенно мне верит. Однако Митя, и правда, мог оставаться один дома, если я отлучалась на час или два. На всякий случай, я оставила ему кружку молока и сладкую булку на детском столике у окна. Булки, еще горячие, откуда-то принес Афанасий. И когда успел...

На рынок мы поехали на ведомобиле.

– Хозяин не будет против? – спросила я, усаживаясь.

– Кто-то должен заниматься хозяйством, – ответил Афанасий. – И он вполне может обходиться без меня.

– Нет, я о ведомобиле. Рынок далеко? Пешком не дойти?

– Близко. – Афанасий завел мотор. – Это мой ведомобиль.

Он улыбнулся, потому как я изумления не скрывала и,

должно быть, выглядела презабавно.

– Я тоже там был, – сказал он. – Не герой, но помог, чем смог. Это награда. На ведомобиле быстрее обернемся.

«Там» – это где Владияр Николаевич увечья получил? Что ж, тогда понятно.

В лавке готового платья я не без труда нашла одежду подходящего размера. Наряды попроще шили на стандартную фигуру, и юбки были мне малы в талии, а блузки – в груди. Но все же кое-что отобрала, включая белье, чулки и всякие нужные мелочи. Оплатил мои покупки – неожиданно – Афанасий.

– Я рассказал хозяину, почему ты осталась без вещей, – невозмутимо произнес он, едва мы вышли из лавки. – Он велел купить тебе все необходимое.

– Из жалования вычтет? – нахмурилась я.

– Навряд ли. Он богат, может себе это позволить.

Обувную лавку мы посетили, и я обзавелась парой крепких ботинок. А вещей на Митю не нашли.

– Пользуйся тем, что есть, – сказал Афанасий.

– Но это неправильно, это чужое, – возразила я.

– Это просто не успели отдать бедным, – отмахнулся он. – Считай, отдали.

На рынке первым делом я посетила мясной отдел, выбрала пару куриц и кролика, кусок нежирной телятины и хороший шмат свинины. В молочном перепробовала домашние сыры и творог, но осталась недовольна и решила, что буду

делать их сама. Афанасий сказал, что есть договоренность с молочницей, следовательно недостатка в молоке не будет. Еще купила свежих овощей, фруктов и ягод. Топленого масла взяла и бутылъ ароматного подсолнечного.

Заодно выяснилось, что свежий хлеб можно покупать в местной булочной, а свежую рыбу чуть ли ни каждый день возят в тележке по улицам поселка.

Уборку дома я отложила на завтра. Времени едва хватало, чтобы приготовить обед, причем в двух вариантах. Суп – для всех, на курином бульоне. Тушеного кролика с пюре – для хозяина. Жареную свинину с картофелем и овощами – для Афанасия. Из ягод сварила кисель. Суп заправила гречневой крупой и овощами.

А Митька... Он моего отсутствия не заметил, как я и предполагала. Проснулся, поел – и уселся рисовать, обнаружив в ящике стола цветные мелки. Его я покормила супом, остатками картофельного пюре и кусочком вареной курицы.

Вот только после обеда он раскапризничался, запросился гулять, и Афанасий вызвался пройтись с ним до озера через лес.

– Вас же тут знают. Наверняка, кто-нибудь поинтересуется, откуда у вас ребенок, – возразила я.

– Скажу правду, что он сын новой прислуги, – ответил Афанасий. – Я же говорил, Владияр Николаевич ни с кем не общается, ему не передадут.

– А как же хозяин? Опять без вас? Ему вы что скажете? –

не унималась я.

– За хозяином ты присмотришь. Подашь, если что надо будет. А мне давно выходной полагается. Скажу, что займусь своими делами.

У него на все был ответ! Но Митька ныл, а у меня не хватало силы воли призвать его к порядку. Так что закончилось все тем, что Афанасий и Митя ушли гулять, как говорится, огородами, чтобы хозяин не заметил, а я занялась ужином. Обед Владияра Николаевича, вроде бы, устроил, а на вечер я запланировала паровые котлеты из телятины и печеную свеклу.

Афанасий успел наточить ножи для мясорубки, и я готовила фарш для котлет, когда услышала зычный голос из гостиной:

– Ульяна!

Сполоснув руки, я поспешила на зов.

– Чем занята? – спросили меня сердито.

– Ужином, – коротко ответила я.

– Ужин подождет. Помоги мне спуститься в сад, – велел Владияр Николаевич.

– Но... как же? – растерялась я. – Вы тяжелый.

На меня взглянули со снисходительной насмешкой.

– На крыльце есть настил для коляски, – сказал Владияр Николаевич. – Без посторонней помощи его трудно преодолеть. Я буду в коляске, ты придержишь ее сзади, чтобы не катилась быстро.

– А-а... Да, конечно. А вам не надо одеться? Вечереет.

– Еще одна нянька на мою голову? – нахмурился он. –

Следить за моим здоровьем не входит в твои обязанности.

– Хоть одеялом...

– Выгоню! – пообещал Владияр Николаевич, не позволив мне договорить.

– Желающих наняться к вам на работу я в агентстве не заметила, – огрызнулась я. – А какая-нибудь крестьянка без рекомендаций не сумеет приготовить вам то, что умею я.

Если Владияр Николаевич и онемел, то не от гнева, а потому что растерялся. Сомневаюсь, что кто-то осмеливался ему перечить. Разве что Афанасий.

Воспользовавшись моментом, я сбегала на кухню, где оставила одну из сегодняшних покупок – платок из козьего пуха. У Владияра Николаевича ни один мускул не дрогнул, когда я накидывала платок ему на плечи и, перекрестив концы на груди, завязывала их сзади. Все ждала, что хозяин вот-вот раскричится, швырнет платок мне в лицо, но он промолчал. Я же аккуратно выкатила коляску на крыльцо и свезла ее по настилу в сад.

– Можешь идти, – коротко бросил Владияр Николаевич, едва под колесами зашуршали мелкие камушки дорожки.

– А вы...

Я осеклась, едва он повернул голову и смерил меня тяжелым взглядом.

– Ужин. Заждался.

Выдав эти два слова, Владияр Николаевич крутанул колеса, и коляска покатилась по дорожке к калитке.

— Куда это вы собрались?!

Я очнулась, опомнившись, и бросилась следом. Навряд ли Афанасий обрадуется, если хозяин сбежит за водкой. А куда еще? Но догнать коляску я не успела. Впрочем, и Владияр Николаевич не успел выехать на улицу.

Калитка распахнулась. Коляска остановилась. Я же, увидев Афанасия, испытала отнюдь не облегчение. Ведь за руку он держал Митю.

Глава 11

Владияр слышал, что у людей, потерявших зрение, обостряется слух. Видел он почти так же прекрасно, как и раньше, но из-за того, что был ограничен в передвижениях, рассмотреть мог не все. Зато с детства помнил скрип каждой половицы в доме, знал, какая по счету ступенька на лестнице может щелкнуть, если наступить на нее не по центру, а ближе к краю. И с абсолютной точностью мог определить, в какой из комнат ветер хлопает приоткрытой створкой окна.

На втором этаже кого-то прятали. Поначалу Владияр думал, что слышит Афанасия и новую служанку, но наверху кто-то оставался, когда они оба находились внизу. Этот кто-то топал, ронял на пол предметы, шумел водой в ванной комнате. Логично предположить, что его привела в дом Ульяна. Владияру надоело притворяться, что он не может запомнить ее имени. Но отчего Афанасий ее прикрывал?

Проще всего – призвать Афанасия к ответу. Но его непонятное поведение... обижало. Владияр доверял ему больше, чем родным братьям. И вдруг... какие-то секреты? Не личные, а напрямую касающиеся его, хозяина дома.

Разгадать загадку хотелось самому. И Владияр стал наблюдать за Афанасием и Ульяной и прислушиваться к тому, что происходит наверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.